

УДК 008.001

DOI: 10.34670/AR.2020.68.17.001

Смертные бессмертные (социально-философский анализ политического праздника)

Береснева Наталья Ириковна

Доктор философских наук, доцент,
декан философско-социологического факультета,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Российская Федерация, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: nataliaberesneva@gmail.com

Береснев Владимир Дмитриевич

Старший преподаватель кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Российская Федерация, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: vensereb@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются социокультурные и философские основания феномена политического праздника на примере Дня Победы. Авторами разработана трехуровневая модель, раскрывающая структуру и основные механизмы бытования праздника. На основе этой модели изучены представленные в праздничной традиции Дня Победы аксиологические комплексы и происходящие с ними изменения. В работе показано, что угрозой, по нашему мнению, является радикализация праздничного нарратива, связанная, например, с претензиями некоторых социальных групп на сохранение первоначального политического контекста Дня Победы, отсылающего к советскому периоду нашей истории. В качестве примера, как мы полагаем, можно привести конфликты по поводу использования в акции «Бессмертный полк» советской политической символики, а также портретов политических лидеров СССР. Подобные конфликты, мы считаем, могут привести к избыточной идеологизации праздника, ослаблению упомянутых драйверов гражданской активности, угасанию интереса населения к аксиологическим комплексам праздничного нарратива.

Для цитирования в научных исследованиях

Береснева Н.И., Береснев В.Д. Смертные бессмертные (социально-философский анализ политического праздника) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 6А. С. 85-94. DOI: 10.34670/AR.2020.68.17.001

Ключевые слова

Политический праздник, День Победы, «Бессмертный полк», нарративная модель, ритуальная модель, темпоральная модель.

Введение

Целью настоящего исследования является философский и культурологический анализ такого явления, как политический праздник, направленный на укрепление сплоченности, солидарности социальной общности. Праздничная культура становится предметом философской рефлексии еще в античности [см. обзор: Ромах, www]. Вследствие полисемантической природы праздника как культурного феномена, к его изучению обращаются ученые из других областей гуманитарного знания: истории, культурологии, психологии, политологии. При большом разнообразии частнонаучных концепций праздничной культуры, обобщающие работы философского характера немногочисленны, «при всем многообразии изучения праздника в литературе социальная философия праздника представлена слабо <...> праздник как социально-философская проблема фактически не тематизирован не только в современной российской социальной философии, но <...> и в мировой социально-философской литературе» [там же]

На наш взгляд, праздничная культура в целом и политические праздники в частности являются очень ценным материалом для философских исследований, поскольку праздник - одна из немногих сфер общественного бытия, где философия проявляет себя как практика. Повседневная жизнь человека не обладает непрерывной “философичностью”, его обращение к фундаментальным философским вопросам обычно носит эпизодический характер. Так, переходы из области наблюдения единичного факта в сферу всеобщего могут быть инициированы субъектом в рамках профессиональной деятельности, в сфере свободного творчества, либо могут быть навязаны сложившимися в обществе традициями. Ярким примером именно такого «принудительного» погружения человека в философский дискурс являются ежегодно отмечаемые государственные политические праздники. Политические праздники актуализируют системы ценностей национального и общечеловеческого масштаба, которые в повседневной жизни находятся на периферии мировоззрения. По этой причине есть возможность рассматривать их как репрезентативные области для социально-философских исследований, в частности - для аксиологических.

Основная часть

Г.Зиммель отмечал, что ценности возникают из фактов жизни или исторических событий (например, труд, творчество, трагедии, достижения), когда они выходят за рамки природного в себе существования в состояние “более чем жизнь”, возвышаясь до идеалов [Зиммель, 1996, С.556]. Подобный переход невозможен без изменения культурного контекста, а учреждение праздника - наиболее эффективный механизм контекстуального сдвига, в результате которого эти явления превращаются из совокупности фактов повседневности в системы ценностей.

Праздник противоположен будням. Само слово “праздник” является однокоренным к “праздный” и означает период без занятости практическими делами, “упразднение, свободу от будничных трудов, соединенную с весельем и радостью” [Снегирев, 1937, С.5]. Действия, совершаемые людьми в праздничные дни, отличаются от повседневной деятельности, направленной, прежде всего, на удовлетворение потребностей. Драйверами праздничной активности выступают ценности. Благодаря ежегодному повторению в календарном цикле, включенные в праздничный контекст системы ценностей приобретают внеисторический характер, даже если первоисточником праздника было историческое событие.

Ценности, транслируемые праздничной культурой, можно характеризовать как “временно вечные”, поскольку государственный праздник, как правило, устанавливается “навсегда”, но при смене политической обстановки, культурного фона, или из-за исторической давности, праздники могут быть модифицированы или упразднены. Особенно наглядно метаморфозы ценностей проявляются в политических праздниках, поскольку скорость и динамика изменения политической ситуации в стране и в мире значительно выше, чем изменения религиозных или культурных парадигм. Наиболее интересными и перспективными для исследования, на наш взгляд, являются относительно стабильные праздничные традиции с ярко выраженным политическим контекстом. На сегодняшний день самым долгоживущим, стабильным и масштабным политическим праздником в России является День Победы, ежегодно отмечаемый 9 мая. В современной российской культуре это не просто “красный день календаря”, а один из главных маркеров исторической памяти россиян, существенно определяющий восприятие новейшей отечественной истории.

Традиция празднования Дня Победы не подвергалась ни ревизии, ни серьезному критическому осмыслению с момента ее учреждения. На первый взгляд, все изменения, произошедшие с данным праздником за 75 лет, связаны исключительно с внешними проявлениями (формой празднования), в то время как содержание праздника (системы ценностей) осталось прежним. Однако нам кажется, есть основания полагать, что в традиции празднования Дня Победы произошли существенные ценностные сдвиги, способные коренным образом изменить характер праздника.

Для изучения праздника как социокультурного явления, нами была разработана трехуровневая модель, раскрывающая структуру и основные механизмы бытования праздника.

Первый уровень — нарративная модель, отражающая содержание праздника.

Второй уровень — ритуальная модель, описывающая процесс празднования, в котором актуализируется нарративная модель.

Третий уровень — темпоральная модель, отвечающая за регулярность, продолжительность праздника, включенность его в календарный цикл.

Мы использовали данную модель для изучения заключенных в праздничной традиции Дня Победы аксиологических комплексов и происходящих с ними изменений.

Нарративная модель политического праздника складывается вокруг “нулевого события” — события-триггера. В качестве «нулевого события» может быть принято реальное историческое событие (социалистическая революция, победа над фашистской Германией, полет Юрия Гагарина) или проекция некоторого текста культуры, например, религиозного учения или мифа, на календарный цикл (Рождество, Пасха). Помимо нулевого события, нарративная модель включает связанный с ним культурно-исторический контекст (точнее, его интерпретацию) и формулу сакрализации (отношения к нулевому событию как к священному).

Нулевым событием Дня Победы стало окончание Великой Отечественной войны, день вступления в силу акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Интерпретация данного события представляет собой бинарную оппозицию, где “абсолютное благо” противопоставляется “абсолютному злу”. Составляющими «абсолютного блага» являются прежде всего мир и свобода, но не как самоценные основания благополучия людей, а в противопоставлении фашизму, который играет роль полюса “абсолютного зла” и перманентного источника угроз. С абсолютным злом нельзя ни договариваться, ни мириться, поэтому победа над фашизмом эквивалентна его уничтожению, что и было сделано Красной

Армией в 1945 г.. Справедливость такой интерпретации окончания Второй Мировой войны никогда не ставилась под сомнение. Категорический характер интерпретации итогов Второй мировой войны был оправдан колоссальными потерями Советского Союза — той самой «ценой победы», которая стала ядром сакрализации праздничного нарратива.

В формуле сакрализации («Помним. Гордимся», «Гордись и помни», «Помним, славим, гордимся», «Помним! Гордимся! Наследуем», «Помним. Гордимся. Благодарим», «Помним. Гордимся. Чтим», «Помним. Скорбим. Гордимся» и пр.) собраны наиболее сильные и искренние чувства участников и свидетелей войны, что обеспечило неуязвимость нарративной модели Дня Победы на фоне произошедших в стране экономических и политических кризисов. Изменился только политический статус народа-победителя: сегодня мы празднуем победу не советского, а российского народа в Великой Отечественной войне [см.: Попов, 2016, с.102]. Однако произошли менее заметные, но существенные изменения в рамках рассмотренной выше бинарной оппозиции.

Ослабление опоры на индивидуальную память, исчезновение идеологической монополии Советского Союза в сфере ритуализации национальных праздников, процессы глобализации, становление информационного общества и экономики впечатлений и пр. привели к тому, что концепция фашизма как «абсолютного зла» становится сегодня все более абстрактной. Для подавляющего большинства населения современной России фашизм — символическая конструкция, собранная из различных медиа: книг, произведений изобразительного искусства, кинофильмов, театральных постановок, музейных экспозиций, реконструкций и т.д. Как артефакт культуры, фашизм не несет россиянам очевидной, непосредственной экзистенциальной угрозы, а с бывшими странами «полюса зла» у России сегодня партнерские отношения.

В результате отрицательный полюс в бинарной оппозиции претерпевает трансформацию: вместо фашизма «абсолютным злом» становится смерть. По словам Н.Бердяева, всякое зло в конечном счете может быть сведено к смерти: «Убийство, ненависть, злоба, разврат, зависть, месть есть смерть и сеяние смерти» [Бердяев, 2006, с. 282] Смерть — самое страшное, что может случиться с человеком на войне несмотря на то, что все люди рано или поздно умирают. В отличие от фашизма, смерть не является идеологическим конструктом прошлого и не нуждается в символическом представлении ради актуализации ее угрозы. Н.Бердяев также говорит о «возвышающей функции» смерти в отношении человеческой личности, вне зависимости от причины, по которой человек уходит из жизни, особенно — если это родственник. [там же, с.285].

Таким образом, тенденция к вытеснению фашизма из нарративной модели Дня Победы сделало ее более универсальной и при этом — индивидуально ориентированной, поскольку смерть, в отличие от фашизма, угрожает каждому человеку.

Со смертью у человечества иные отношения, нежели с войной. В отношении войны люди требуют сохранения мира и почитают героев войны, солдат-миротворцев. Именно это отношение выражает известная фраза из обращения И.В.Сталина к народу 9 мая 1945 года: «Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!» (газета «Правда» от 10 мая 1945г.) Но даже здесь мы видим акцент на теме смерти, поскольку вечная слава адресована в первую очередь «героям павшим».

В отношении смерти людьми предъявляются требования сохранения жизни и почитания всех умерших, поэтому право на вечную память и славу получают не только павшие в боях, но

и все остальные участники военных действий, узники лагерей, а также труженики тыла и «дети войны» (люди, заставшие войну в детском возрасте), силами которых восстанавливалась страна в послевоенное время.

Бинарная оппозиция предполагает равносильность составляющих ее противоположностей. При ослаблении одной из сторон, неизбежно слабеет и другая. В данном случае размывание образа фашизма как «абсолютного зла» должно было привести к симметричному размыванию образа народа-победителя. Но этого до сих пор не произошло. Причина этого состоит в том, что Великая Отечественная война до сих пор остается в пределах горизонта индивидуальной памяти и прочно укоренена в коллективной памяти россиян. На начало 2020 г. в живых оставалось более 60 000 ветеранов войны, количество людей, заставших войну взрослыми или детьми, по-прежнему измеряется миллионами, представители поколений «детей» и «внуков» войны составляют подавляющее большинство населения России (см. данные в СМИ: <https://www.kp.ru/online/news/3470868/> или <https://obzor.io/2020/05/09/svideteli-pobedy-rejting-regionov-po-chislu-veteranov-42103/>). Для большинства из них День Победы ассоциируется не с поверженным врагом (учитывая ограничения на демонстрацию нацистской символики в последние годы), а с трагическими утратами и воспоминаниями семейного характера, прежде всего рассказами родственников, умерших уже после войны.

Изменение объекта почитания в праздничном нарративе Дня Победы непосредственно обнаружить невозможно, поскольку содержание лозунгов и цитат само по себе измениться не может. Все вышеописанные процессы проявляются на другом уровне праздничной культуры — в ритуальных практиках, для описания которых нами разработана ритуальная модель.

Ритуальная модель Дня Победы, в отличие от нарративной, нестабильна и за прошедшие с окончания Великой Отечественной войны 75 лет неоднократно модифицировалась. С 1945 г. в качестве ежегодных праздничных ритуалов проводились только возложение цветов, салют и народные гуляния. Вечный огонь становится национальным символом победы с 1957 г. Минута молчания — с 1965. Парад на Красной площади вошел в традицию празднования 9 мая с 1965 г. по юбилейным датам и с 1995 г. ежегодно, а участие в параде военной техники началось с 2008 г. Статус выходного дня День Победы тоже имел не всегда (1945-1947 гг., 1955 г., с 1965 г. — ежегодно). Акция «Бессмертный полк» проводится ежегодно с 2011 г. (в масштабах страны — с 2012 г.).

Экстенсивный рост ритуальной модели Дня Победы и заимствование мемориальных практик из праздничной культуры других народов вероятно может быть объяснен поиском формы празднования, релевантной нарративной модели. Праздничные ритуалы 9 мая, официальные мемориальные практики, сложившиеся в связи с празднованием Дня Победы во второй половине XX в. были достаточно формальными, носили внеличностный, отчужденный характер, в них не выражалась индивидуальная сопричастность людей войне и победе. В XX в. этого и не требовалось, поскольку многие из представителей поколения участвовавших в военных действиях и поколения, чье детство пришлось на военные годы, были еще живы. Их индивидуальные воспоминания компенсировали разрыв между нарративной и ритуальной моделями Дня Победы, позволяли воспринимать праздник как «свой», преодолеть идеологически закреплённый формализм.

В XXI в. ситуация меняется. Участники и свидетели Великой Отечественной войны уже не составляют большинства среди населения России. По мере сокращения числа свидетелей войны и трансформации праздничного нарратива в XXI в. происходит радикальное обновление

ритуальных практик, связанных с празднованием 9 мая. Среди инноваций особого внимания заслуживают акция «Бессмертный полк».

Появление акции «Бессмертный полк» принципиально отличается от предыдущих модификаций ритуальной модели Дня Победы. Субъектами всех предшествующих изменений были представители верховной власти страны. «Бессмертный полк» появился как гражданская инициатива, без какого-либо политического заказа. Успешность этой формы празднования свидетельствует о «попадании» в ожидания людей, связанные с изменившейся нарративной моделью. Сегодня участие в праздновании предполагает не только присутствие на праздничных мероприятиях и выполнение некоторого формального алгоритма, но и презентацию индивидуальной сопричастности победе через родственные связи с участниками войны. Именно на этом принципе основана акция «Бессмертный полк» и ряд подобных внеинституциональных инициатив, не получивших широкого распространения.

Национальные мемориальные практики политического толка обычно обращены к воспоминаниям о героях - выдающихся личностях, оказавших заметное влияние на ход истории и ушедших из жизни. Так распространенный в СССР ритуал возложения цветов на могилы и к памятникам не содержал в себе призыва к бессмертию индивида, вечность была атрибутом совершенного подвига и памяти как процесса.

Во время «Бессмертного полка» происходит не просто воспоминание, а символическое воскрешение ушедших в иной мир людей. На этот факт указывают и название акции, и сам характер праздничного шествия: живые несут портреты умерших в одном строю, тем самым «оживляя» их. Главными объектами становятся не национальные герои, а ближайшие родственники. Такая форма празднования оказалась более комплиментарной произошедшему в нарративной модели контекстуальному сдвигу, а эффект символического воскрешения умерших оказал настолько сильное воздействие на общественное сознание, что всего за три года акция из локальной инициативы стала национальной традицией.

Символическое воскрешение родственников, «временное бессмертие», осуществляемое во время акции, не является чем-то абсолютно новым, не встречавшимся ранее в культуре. По сути - это культ предков, явление, характерное для любого человеческого общества. Практики почитания умерших родственников обычно интегрированы в религиозные традиции, но могут принимать и светские формы, не связанные с отправлением религиозного ритуала. Я.Ассман отмечает, что «надежда на жизнь в памяти группы, представление, что мы можем захватить своих мертвых с собой в шагающее вперед настоящее, относятся, судя по всему, к универсальным структурам человеческого существования. [Ассман, 2004, с.66-67].

В этой связи оценки «Бессмертного полка» как новой религиозности, «культа войны» [Тесля, www...] не вполне справедливы, поскольку участники акции не обращаются к богу или другим сверхъестественным силам, чтобы воскресить своих близких. В праздновании Дня Победы не происходит удвоения мира на земной и загробный. Умершие не переходят из одного мира в другой на один день, они «бессмертны» в силу сопричастности к Победе как историческому событию. Это тоже очень важный момент, поскольку по этому признаку статус «бессмертных» участники и свидетели войны получают уже при жизни.

Ситуация отчасти напоминает идеи, изложенные Н.Федоровым в «Философии общего дела». Связь каждого поколения со своими предками так или иначе выражается в ритуалах символического воскрешения в вечном стремлении к воскрешению физическому, телесному, поскольку «рождение есть принятие, взятие жизни от отцов, т.е. лишение отцов жизни, откуда

и возникает долг воскрешения отцов, который сынам дает бессмертие» [Федоров, 1982, с.476]. Символическое воскрешение, происходящее во время акции “Бессмертный полк”, нельзя назвать телесным, и все же данная форма в большей мере тяготеет к телесности, чем существовавшие ранее. Во-первых, это фотографии умерших, а не только их имена или абстрактная мемориальная символика. Во-вторых - это шествие, движение, что является одним из главных атрибутов жизни. В-третьих, это совместное движение живых и умерших в мире живых. Пожалуй, в отечественной культуре это самая “убедительная” форма коммеморации. Неудивительно, что она притягивает тех, чьи родственники погибли в других военных конфликтах или катастрофах национального масштаба. В качестве примера можно привести “Бессмертный полк” участников афганской и чеченской войн, сирийского военного конфликта, ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС и другие прецеденты, произошедшие в период 2013-2020 гг. Таким образом, “Бессмертный полк” становится своего рода франшизной технологией символического воскрешения умерших [см.: Береснев, 2019, С. 67–74].

Темпоральная модель отражает временную структуру праздника: продолжительность и регулярность празднования; длительность периодов подготовки; наличие и продолжительность постпраздничного “шлейфа” в повседневной жизни людей; наличие и частотность “экстремумов” в интенсивности ритуальных практик, связанных, например, с юбилейными датами.

Темпоральная модель Дня Победы включает в себя все вышеперечисленные пункты. Праздник жестко закреплен в календаре, для его празднования выделяются два выходных дня. Подготовка к очередному Дню Победы начинается с начала текущего года, а в случае юбилейной даты - с конца предшествующего. Мероприятия, посвященные Дню Победы, могут начинаться задолго до 9 мая и продолжаться до середины осени (это характерно, например, для школьных программ).

Обширность темпоральной структуры Дня Победы позволяет подключить к нему самые разнообразные политические и экономические процессы, вследствие чего последние попадают в сферу сакрализации нарративной модели как “посвященные”, причастные к аксиологическому комплексу праздничного нарратива, представленному в конечном итоге в кульминационном событии - акции “Бессмертный полк”. По этой же причине нецелесообразно устраивать подобную акцию для каждой претендующей на это социальной группы - в постпраздничном “шлейфе” Дня Победы это будет выглядеть копией “Бессмертного полка”, и другим названием эту вторичность не устранить.

Выводы

Возникающий в результате взаимодействия вышеперечисленных факторов синергетический эффект коренным образом меняет атмосферу праздника. Продолжительный подготовительный период, украшение улиц, праздничные обращения бизнесменов и политиков к народу, концерты, торжественные встречи — все это прежде практиковалось только в рамках празднования Нового года. Акция “Бессмертный полк” также обретает черты карнавального шествия. Торговля сувенирами и бутафорией военной тематики, переодевание в военную форму, перформансы и клоунада свидетельствуют об изменении характера отношения россиян к празднику Победы. Сегодняшний День Победы — это массово-зрелищное событие, переросшее свой первоначальный культурно-исторический контекст, что для политического праздника является одновременно и благоприятным фактором и угрозой.

Благоприятность выражается в расширении границ социальных групп, участвующих в праздновании и интеграции праздничного нарратива в самые разнообразные культурные процессы. Это обеспечит празднику пролонгацию как минимум еще на одно поколение - поколение “правнуков Великой Отечественной войны”, обучающихся сейчас в школах и ВУЗах. В качестве угрозы выступает, прежде всего, расширение нарративной модели праздника, что со временем может привести к превращению Дня Победы в день почитания жертв и участников войн и катастроф (тенденции к чему можно обнаружить уже сейчас).

Другой угрозой, по нашему мнению, является радикализация праздничного нарратива, связанная, например, с претензиями некоторых социальных групп на сохранение первоначального политического контекста Дня Победы, отсылающего к советскому периоду нашей истории. В качестве примера, как мы полагаем, можно привести конфликты по поводу использования в акции «Бессмертный полк» советской политической символики, а также портретов политических лидеров СССР. Подобные конфликты, мы считаем, могут привести к избыточной идеологизации праздника, ослаблению упомянутых драйверов гражданской активности, угасанию интереса населения к аксиологическим комплексам праздничного нарратива.

Библиография

1. Архипова А. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы /А.Архипова, Д.Доронин, А.Кирзюк, Д.Радченко, Соколова А., Титков А., Е.Югай // Антропологический форум. - 2017. - № 33. - С. 84–122. - URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2017_33/arkhipova_et_al/
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /Я.Ассман -. М.:Языки славянской культуры, 2004. - 368 с.
3. Бердяев Н. А. Смерть и бессмертие /Н.А.Бердяев // О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2006 — 320 с.
4. Береснев В.Д. «Бессмертный полк»: социокультурный контекст и философская рефлексия /В.Д.Береснев, Н.И.Береснева //Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. - 2019. - Вып.1. - С. 67–74.
5. Зиммель Г. Созерцание жизни /Г.Зиммель //Избранное. - М.: Юрист, 1996. - Т.2. - 607 с.
6. Попов А.Д. Война и мы: горизонты культурной памяти в мемориальных текстах позднего советского периода / А.Д.Попов //Шаги. 2016. - Т.2 - №4. - С. 96 –113.
7. Ромах О.В. Изучение праздника как социально-философской проблемы /О.В.Ромах, Т.П.Ванченко — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-prazdnika-kak-sotsialno-filosofskoy-problemy/viewer>
8. Снегирев В. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. /В.Снегирев - М.: В университетской типографии, 1937. - Вып.1. - 246 с.
9. Тесля А. Как менялась память о Второй мировой войне /А.Тесля //Эксперт - №18-20 (1161) - URL: <https://expert.ru/expert/2020/18/kak-menyalas-pamyat-o-vtoroj-mirovoj-vojne//>
10. Федоров Н.Ф. Сочинения. Философское наследие /Н.Ф.Федоров. - М.: Мысль, 1982.- 711 с.

Mortals Immortals (socio-philosophical analysis of a political holiday)

Natal'ya I. Beresneva

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology,
Perm State National Research University,
614068, 15 Bukireva str., Perm, Russian Federation;
e-mail: nataliaberseveva@gmail.com

Vladimir D. Beresnev

Senior Lecturer,
Department of Cultural Studies and Social and Humanitarian Technologies,
Perm State National Research University,
614068, 15, Bukireva str., Perm, Russian Federation;
e-mail: vensereb@gmail.com

Abstract

The article examines the socio-cultural and philosophical foundations of the phenomenon of a political holiday. The authors have developed a three-level model that reveals the structure and main mechanisms of the holiday. On the basis of this model, the axiological complexes presented in the Victory Day festive tradition and the changes occurring with them are studied.

The cultural and historical context "attached" to the Victory Day is constructed according to the principle of a binary opposition, where the Soviet Union is the bearer of "absolute good and good" for the whole of Europe, and fascist Germany is the bearer of "absolute evil". However, the weakening of the reliance on individual memory, the disappearance of the ideological monopoly of the Soviet Union in the field of ritualizing national holidays, the processes of globalization, the emergence of the information society and the economy of impressions have led to the fact that the concept of fascism as "absolute evil" is undergoing transformation: death becomes "absolute evil" (according to N. Berdyaev, any evil can ultimately be reduced to death). The ritual model of celebration is constantly undergoing changes and in the search for a form of celebration, a relevant narrative model comes to the action "Immortal Regiment", which is fundamentally different from the previous modifications of the ritual model of Victory Day. During the "Immortal Regiment" there is a symbolic resurrection of people who have gone to another world.

The effect of the symbolic resurrection of the dead had a strong impact on public consciousness, since we are dealing with one of the most ancient and widespread beliefs in the world, the cult of ancestors, which manifests itself in the veneration of deceased relatives, periodic ritual appeal to them as living (according to the Russian cosmist philosopher N. Fedorov). Analysis of the temporal model of Victory Day shows that the holiday is rigidly fixed in the calendar, prolonged and allows connecting to it a variety of political and economic processes similar to the New Year celebration. The culminating event of the holiday - the "Immortal Regiment" action also takes on the features of a carnival procession.

For citation

Beresneva N.I., Beresnev V.D. (2020) Smertnye bessmertnye (sotsial'no-filosofskii analiz politicheskogo prazdnika) [Mortals Immortals (socio-philosophical analysis of a political holiday)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (6A), pp. 85-94. DOI: 10.34670/AR.2020.68.17.001

Keywords

Political holiday, Victory Day, "Immortal regiment", narrative model, ritual model, temporal model.

References

1. Arhipova A., Doronin D., Kirzyuk A., Radchenko D., Sokolova A., Titkov A., Yugaj E. Vojna kak prazdnik, prazdnik kak vojna: performativnaya kommemoraciya Dnya Pobedy [War as a holiday, holiday as war: performative

-
- commemoration of Victory Day] // Antropologičeskij forum. 2017. № 33. S. 84–122. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2017_33/arkhipova_et_al/
2. Assman Y. Kulturnaya pamyat'. Pismo, pamyat' o prochlom i političeskaya identičnoct v vysokih kulturah drevnosti [Cultural memory. The letter, memories of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moskow, Yazyki slavyanskoj kultury [Languages of Slavic culture], 2004. 368 p.
 3. Berdyaev N. A. Smert' i bessmertije [Death and immortality]. O naznachenii čeloveka. Opyt paradoksalnoj etiki [About the purpose of the person. Experience of paradoxical ethics]. , AST, AST Moscow, Hranitel. 2006. - 320 p.
 4. Beresnev V. D. , Beresneva N. I. “Bessmertnyj polk: sociokulturnyj kontekst I filosofskaja refleksija [“Immortal regiment”: socio-cultural context and philosophical reflection]. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija. [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]. 2019. №1. pp.67–74.
 5. Zimmel G. Sozercanije zhizni [Contemplation of life]. Zimmel G. Izbrannoje [Favourites]. Moscow, Lawyer. 1996. v. 2. - 607 p.
 6. Popov A.D. Vojna i my: gorizonty kulturnoj pamjati v memorialnyh tekstah pozdnego sovetskogo perioda [War and we: horizons of cultural memory in memorial texts of the late Soviet period]. Shagi [Steps]. v.2.(4), pp.96–113.
 7. Romakh O. V., T. P. Vanchenko. Izuchenije prazdnika kak socialno-filosofskoj problemy [Studying the holiday as a social and philosophical problem]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-prazdnika-kak-sotsialno-filosofskoy-problemy/viewer>
 8. Snegirev V. Russkije prostonarodnyje prazdniki i sujevernyje obrjady [Russian folk festivals and superstitious rites]. Moscow, V universitetskoj tipografii [At the University printing office], issue 1. 1937.
 9. Tesla A. Kak menjalas' pamjat' o Vtoroj mirovoj vojne [How the memory of the Second world war changed]. Ekspert [Expert]. №18. 2020. URL: <https://expert.ru/expert/2020/18/kak-menyalas-pamyat-o-vtoroj-mirovoj-vojne//>
 10. Fedorov N.F. Sochineniya. Filosofskoe nasledie. [Compositions. Philosophical heritage]. Moskow, Mysl', 1982. – 711 p.
-